

Евгений
СУХОВ

воровская

МЕРТВЕЦ — ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО

ЭКСМО

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Мертвец – это только начало

«ЭКСМО»

2009

Сухов Е. Е.

Мертвец – это только начало / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2009

Когда обугленное тело криминального авторитета Кулика обнаружили в сгоревшем автомобиле на окраине Москвы, многие вздохнули свободно. Менты поскорее закрыли дело, братва из конкурирующих группировок занялась привычными заботами. Непокойно только майору Шевцову – чувствует он нутром, что здесь что-то нечисто. А когда в городе происходит дерзкое и кровавое ограбление инкассаторов, его сомнения перерастают в уверенность: наглое нападение среди бела дня, четкая слаженность действий, пять трупов – уж больно все это напоминает хорошо знакомый оперативнику почерк...

© Сухов Е. Е., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	22
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Сухов

Мертвец – это только начало

Глава 1

Этот вечер Стась Куликов решил посвятить Ольге. Он не любил бывать в незнакомых ресторанах, а предпочитал места, к которым привык. Где каждый, от официанта до директора, считал за честь иметь клиентом такого уважаемого человека.

Ольга выбрала ресторан «Прага», и Стась немедленно согласился.

Славик, услышав про желание шефа, неожиданно возразил:

– Я бы не советовал туда являться, Стась. В последнее время у него дурная репутация.

– Отчего?

– Клиентуры постоянной нет, собираются там всякие залетные.

– Под кем сейчас этот ресторан?

– Раньше был под Сашей Маленьким, он умел наводить порядок, а когда его грохнули, «крыша» менялась трижды. Вокруг этого кабака столько крови пролилось, что и подумать страшно, – театрально закатил глаза Славик. – Вообще-то его держали долгопрудненские, но в пае с таганскими. Вот такой получается симбиоз. Авторитетов сейчас там у них повыбили, одна молодежь осталась, а авторитет у них не тот, что был у стариков. Да и дури в башке куда больше, чем мозгов, – сплюнул в сердцах Славик. – Может, пойдешь все-таки в другой? Могут возникнуть сложности.

– Нет, я обещал.

Славик неопределенно пожал плечами, дескать, я предупредил.

– Может, на всякий случай взять еще кого-нибудь? Мало ли?

Стась неожиданно потерял терпение:

– Ты мне скажи, я еду в кабак на разбор или чтобы отдохнуть с женщиной?

Слава невольно улыбнулся.

– Хорошо, но на всякий случай я переговорю с долгопрудненскими, чтобы осложнений никаких не вышло, мало ли...

Стась перешагнул порог ресторана. Молодежь, сидевшая у самой сцены, лениво и без должного пиетета смерила его взглядами, признавая в нем командированного, который решил оттянуться с молодой дамой по полной программе после утомительного хождения по разным чиновничьим кабинетам.

Мало битые, неискушенные, не сомневающиеся по наивности в собственном бессмертии, глуповатые и дерзкие, они верили, что окружающий мир существует исключительно для них, и даже не подозревали о том, что они – живой щит для тех, кто в действительности является хозяином жизни.

Один из пацанов, нагловатый хмырь с кривой улыбкой, бесстыдно осмотрел Ольгу с ног до головы; взирал так, будто она уже была его вещью, словно был уверен в том, что в следующую минуту, ухватив ее за тонкое запястье, уведет в одну из пустующих комнат.

Подобные посещения всегда связаны с дополнительным напряжением, к ним тоже нужно быть подготовленным. Незаметно для окружающих Стась притронулся к карману брюк – мини-атюрный «вальтер», свободно умещавшийся в ладони, придал ему должную уверенность.

Упругая дама с формами тяжелоатлета проводила его к свободному столику у самой стены. При ходьбе ее тело так аппетитно дрожало, что женщина больше напоминала отменный студень.

– Отдыхайте, – улынулась она безукоризненными жемчужными зубами и словно бы невзначай коснулась ладонью руки Стася.

По телу электрическим разрядом пробежало нешуточное возбуждение. Не без интереса он всмотрелся в красивое, слегка располневшее лицо дамы. Именно такие женщины в далекой Византии, будучи жрицами, давали первые уроки любви юношам; их дружбой гордились военачальники, а поэты посвящали им стихи.

Наверняка, если бы он остался с ней наедине, даже несмотря на свой не самый молодой возраст, женщина сумела бы показать такой изыск, какой не встретишь в новомодных салонах.

– Я тебя ревную. – Ольга накрыла ладонями руку Стася. – Она на тебя так посмотрела... как волчица. Мне показалось, она хочет тебя проглотить.

– Не получится, – улыбнулся Стась, – от меня у нее будет несварение желудка.

Лощеный официант с одного взгляда определил возможности клиента и сладкоголосо поинтересовался:

– Что желаете?

Куликов оторвался от меню и посмотрел на Ольгу.

– Ты что предпочитаешь, дорогая?

Ольга смущенно улынулась:

– Я полностью полагаюсь на твой вкус, милый.

– Тогда начнем с мяса... А впрочем, знаешь что... – Стась неожиданно захлопнул меню. – Давай на свое усмотрение, – продолжил он, глядя на официанта. – Но только самое лучшее.

Тот что-то черкнул в своем блокноте.

– Все понял...

– Я так рада, мы с тобой впервые в таком ресторане. Это для меня настоящий праздник, – призналась Ольга.

– Я тоже счастлив, – улыбнулся Стась, приобняв слегка Ольгу за плечи.

Лицо девушки неожиданно скривилось, как бы от ужаса, и она прошептала сдавленным голосом:

– Господи...

– Что с тобой? – беспокойно поинтересовался Куликов, оглядывая столики.

В зале царили непринужденность и веселье: мужчины подливали дамам в бокалы вина и что-то шептали им, наверняка очень рискованное. Непристойности способны заводить женщин не только в постели, но даже за ресторанным столиком. Если это не так, тогда откуда в их глазах такой сумасшедший блеск?

Но Ольга смотрела на пышногрудую молодую брюнетку, уверенно направлявшуюся к выходу. В ней не было ничего такого, что могло бы вызвать ужас. Наоборот, она была на редкость сексапильной и прекрасно знала, что мужчины выворачивают шеи, чтобы посмотреть на ее круглую попку, обтянутую черной лайкрой.

Как бы нечаянно она заметила сидящую Ольгу и с тихим ликованием, картинно всплеснув руками, повернула к их столику.

– Боже мой, Оленька, какая встреча, – радовалась пышногрудая, – дай я тебя поцелую. Где же ты так долго пропадала? Мы все по тебе скучали, я и девочки. Хоть навевалась бы иногда.

Ольга натянуто улыбалась, подставляя для поцелуя покрасневшую щеку.

– Понимаешь, меня здесь не было... просто я уезжала к матери. Долгое время я была у нее.

– Ты бы хоть познакомила меня со своим кавалером, – сказала женщина, – все-таки мы с тобой давние подруги, и меня очень интересует, чем ты живешь.

В меру короткое черное, сильно обтягивающее платье делало ее необыкновенно привлекательной. Вероятно, она потеряла бы много, если бы предстала в наряде Евы. Сейчас за чер-

ной переливающейся материей пряталась тайна, которую хотелось раскрыть. Подруга стояла около столика, слегка наклонившись, и Стась невольно заглянул в вырез тугого платья. То, что он там разглядел, всерьез заставляло задуматься о том, что женщина послана на землю дьяволом, дабы вводить в искушение. На левой груди он увидел аккуратненькую черную родинку, и она подействовала на него неожиданным образом – Стась едва удержался от того, чтобы погладить ее.

– Это мой... старинный приятель... Его зовут Стась.

– Очень приятно, – произнесла девушка, протягивая руку, – а меня зовут Зоя.

Секунды две Стась колебался, что же делать с узкой ладошкой, а потом бережно пожал.

– А можно, я с вами пока посижу? – Зоя капризно надула губы. – Представляете, я договорила встретиться со своим другом, а он почему-то не пришел. Мне бы уйти отсюда, но я так редко выбираюсь в рестораны, вот и решила остаться.

– Правильное решение, – согласился Стась. – Присаживайтесь, – гостеприимным жестом указал он на свободный стул.

Зоя поспешнее, чем следовало бы, села, вызвав у Куликова едва заметную улыбку.

– Ой, если бы ты знала, Оленька, как я по тебе соскучилась, – источала дружелюбие Зоя, – мы с девочками тебя часто вспоминали. Все думали, где ты, чем занимаешься. И надо же, ты здесь. Я им обязательно о тебе расскажу.

– Уж непременно расскажи, – учитывая улыбка Ольги переродилась в едкую гримасу, – сделай такую милость.

Стась посмотрел на каждую из девушек, после чего недовольно протянул:

– Что-то я ничего не понимаю. У меня такое впечатление, будто вы гораздо больше, чем... обыкновенные подруги.

– Ты совершенно прав, Стась, – теперь лицо Ольги вновь сияло обычной благожелательностью, – у нас с Зоей давние отношения. – И, едва сдерживая прорывавшееся бешенство, она потянула Зою за рукав и жестко произнесла: – Пойдем-ка, подруженька, в сторонку, у меня к тебе есть небольшой разговор. Ты не возражаешь, Стась?

Куликов сконфуженно улыбался. Он понимающе поднял руки вверх:

– Как же я могу отказать, если женщина просит? Вы свободны, дамы.

Зоя поправила сползший набок вырез и сказала капризным голосом:

– Что ты делаешь, ты порвешь мое новое платье.

Улыбка Ольги превратилась в оскал:

– Ничего! Профессия у тебя прибыльная, купишь еще.

– Послушай, что ты о себе возомнила? – грубовато произнесла Зоя, поднимаясь. Сейчас она мало напоминала царицу зала, какой казалась каких-то несколько минут назад, теперь это была торговка, раздосадованная упрямством покупателя. Изменился у нее даже голос, он больше напоминал крик взлетевшей вороны. – Да ты такая же, как и...

Ольга крепко дернула ее за руку и сквозь зубы, с ненавистью, на которую способна женская натура, процедила:

– Или ты сейчас же пойдешь со мной, или я выцарапаю тебе глаза на виду у всего зала.

Несколько секунд Зоя молчала, раздумывая, а потом, нервно улыбнувшись, ответила:

– Ну пойдём. Мне будет очень интересно услышать, что же ты мне такого наплетешь, – и, не оборачиваясь, заторопилась к выходу.

Неслышно, как это умеют делать только служащие ресторанов, из-за спины появился официант с подносом в руках. Быстрыми умелыми движениями он расставил на столе заказ, не без некоторой торжественности установил в самый центр бутылку шампанского и с проворством шаровой молнии исчез, оставив после себя аромат приятного парфюма.

Стась без всякого интереса ткнул в мясо ножом – жестковато, лучше начать с салатика из капусты, оно и полезней будет. И, подцепив вилкой мелко порубленные листья, щеголевато отправил их в рот.

Появилась Ольга:

– Пойдем отсюда.

На щеках у нее был легкий румянец, в уголках глаз темные разводы от потекшей туши.

– Ты позабыла, мы сегодня собирались устроить для себя праздник. Ты хочешь уйти, даже не выпив бокала шампанского?

– Оно мне в глотку не полезет, – призналась Ольга. – Так ты идешь? Или я уйду одна?

Напряженная и нервная, как волчица перед броском, она выглядела еще более желанной. Страсть, дремавшая где-то на дне ее души, вырвалась и отразилась на ее лице насыщенным красным цветом и блеском в глазах. Гнев определенно украшал ее. Боже мой, оказывается, его любимая женщина может быть и такой.

– Ты сейчас необыкновенно красива...

– Послушай...

Стась пожал плечами, бросил на стол деньги и, бережно взяв под локоть Ольгу, пошел из зала.

Славик и не скрывал, что скучает. Посещение подобных заведений для него всегда было мукой. Обидно было строить из себя трезвенника, когда босс, удобно устроившись за столиком с дамой, попивает шампанское, и при этом нужно оставаться еще и бдительным, чтобы какой-нибудь кретин не пальнул ему в затылок во время приема пищи.

И когда Стась с Ольгой вышли, он с облегчением подумал о том, что на сегодня его вахта закончена и остаток вечера он может провести в казино. Распахнув дверь, Славик галантно пропустил вперед Ольгу. Кроме крепкого кузова бронированный «Мерседес» обладал еще массой удобств – Стась нажал на крошечную кнопку, и металлизированное стекло с тихим шорохом отделило их от водителя.

Машина медленно тронулась.

Ольга молчала.

– Ты хотела мне что-то сказать, девочка? – произнес Стась, обхватив девушку за плечи.

– Пусти меня, – передернула плечами Ольга. – Ты ведь все знал, ты специально это подстроил.

Куликов неторопливо убрал руку.

– Если ты желаешь, моя детка, пожалуйста, я не притронусь к тебе даже пальцем, но хочу спросить: кому от этого будет хорошо?

– Я ненавижу тебя! – неожиданно проговорила Ольга.

Глаза девушки сделались очень холодными и злыми.

– Отчего же? – Куликов стойко пытался сохранить остаток спокойствия.

– Ты все знал! Знал! Как ты мог!..

– Разумеется, детка. – Стась уже не мог остановиться, он не сознавал, что своими словами жестоко ранит ее. – Я всегда навожу подробнейшие справки о тех людях, с которыми имею дело. Я даже встречался с твоими благодетелями и хочу тебе сказать, что ты им запомнилась и они отзывались о тебе весьма лестно.

Ольга больше не могла сдерживаться и горько заплакала, уткнувшись в колени лицом и безжалостно растирая тушь по щекам. Ей было больно, как никогда. И это его она так сильно любила!

– Как же мне теперь быть? – подняла Ольга глаза, полные отчаяния. – Как же нам теперь находиться рядом?

Стась посмотрел в окно: мимо пронеслись невысокие панельные строения, неторопливо огромными кораблями проплывали архитектурные монстры, мелькали бетонные фонарные столбы, неподвижными часовыми застывшие вдоль дороги, суетливо пролетали прохожие.

Слава крутанул руль вправо, объезжая многотонный грузовик, и, нажав на педаль, уверенно обогнал длинную ленту машин, собравшихся у светофора. Перекресток «Мерседес» пересек в тот самый момент, когда зажегся желтый свет, и, не сбавляя скорости, свернул в ближайший переулок, заставив отскочить на тротуар двух парней.

– Как и прежде. – Стась всегда считал, что сам не склонен к сентиментальности, но сейчас неожиданно для него самого в голосе пробились взволнованные нотки. – Только знаешь, в чем твоя вина? – «Мерседес» круто завернул влево и, едва не обдирая покрышки о бордюры тротуара, устремился по узкой улице. Стась невольно опрокинулся на Ольгу и, слегка прижавшись к ней, продолжал с прежней нежностью: – Ты нужна мне, девочка. Я никому и никогда не говорил таких слов, но ты мне нужна куда больше, чем мать с отцом. Просто я очень не люблю, когда мне говорят неправду, и, как правило, я наказываю таких людей. Тебя же мне пришлось наказать вот таким образом, – печально улыбнулся Стась.

– Значит, я была права, эта встреча была не случайна? Выходит, ты сам все это подстроил!

Ольга пыталась отстраниться, но руки Стася стальными обручами продолжали сжимать ее плечи, не давая пошевелиться.

– Да, моя девочка, мне пришлось немало потрудиться, чтобы узнать, кто ты такая. И теперь я могу сказать с уверенностью, что знаю о тебе куда больше, чем твоя собственная матушка.

– Может быть. – Ольга отвернулась, не в силах оттолкнуть от себя Стася. – Она много чего обо мне не знает. Для нее я все та же чистая девочка, какой когда-то покинула отчий дом.

– Теперь ты успокоилась?

– Немного.

– Я поговорил не только с твоими подругами, как это сказать помягче... по бизнесу. Но еще и с вашей «мадам». Весьма колоритная особа.

– Отпусти ты меня, наконец! – передернула плечами Ольга. – Ну куда я денусь из машины.

– А вот это верно, – скрестил руки на груди Стась. На некоторое время он как бы забыл про Ольгу, а потом повернулся к ней вновь. – Ты этим начала заниматься три года назад?

– Да. Я не думала, что так сложится. – Она закусила губы и снова отвернулась. – Я родилась под Питером. Есть там один небольшой поселок, где обычно останавливаются дальнбойщики. Пятнадцатилетняя девчонка там стоит килограмм колбасы и поллитра водки. Ты знаешь, – хмыкнула неожиданно Ольга, – я пользовалась спросом, иные шоферы отдавали за меня даже деньги. Тем и жили. Чего ты кривишься, Стась, ты, видно, никогда не знал по-настоящему, что такое нужда. Нас у матери было пять девчонок, мы, две старшие, уже на дорогу выходили, чтобы остальных прокормить. Хорошо, если хоть колбасы давали, а то случалось, переспит, а потом хрясь тебе кулаком в зубы и пошел к своей машине. Вот такая благодарность, а управы на него не сыскать.

– Несладко тебе было.

– Не то слово, – согласилась Ольга. – У тебя закурить-то есть?

– Ты уже давно не курила, – достал Стась из кармана пачку «Кэмела».

Ольга вытащила сигарету и едко произнесла:

– Бросишь тут с тобой курить. Думала, начну новую жизнь, уж теперь-то будет все хорошо, только начала чувствовать себя человеком, а меня опять мордой в мое грязное прошлое, мол, не высывайся. Это я с виду красивая и ухоженная, а внутри меня такая дряхлая старуха живет, – разоткровенничалась она, нервно прикуривая сигарету. – Иногда смотрю на какую-нибудь бабушку и думаю: боже мой, а ведь если сравнить жизнь этой старухи и мою,

то она в сравнении со мной покажется невинным дитем. Мне пришлось такое пережить, что и не расскажешь!.. Изменить мужу для нее было героическим подвигом, а для меня переспать сразу с тремя крепкими мужиками – сущая забава. – Она умело втянула в себя дым и, закрыв глаза, держала его в легких несколько долгих секунд, а потом осторожно выдула тоненькую струйку через чуть приспущенное окно. – Ты, например, меня можешь представить героиней группового секса? – с вызовом посмотрела Ольга на Стася.

Куликов не отвел взгляда, хотя у самой его переносицы неприятно надломилась поперечная складочка.

– Представляю. Я даже видел эти кадры и знаю, где происходило подобное мероприятие.

Ольга невольно закрыла лицо руками.

– Боже мой, мне стыдно! Ты не представляешь, как мне стыдно! И ты после этого еще со мной разговариваешь, узнав обо мне все! Другой на твоём месте вышвырнул бы меня из машины прямо на ходу.

– Мне бы не хотелось повторяться, Ольга, но ты нужна мне... даже такой. Ты моя судьба, а ее, как ты знаешь, не выбирают. Я просто хотел бы услышать все это от тебя, а не от людей, для которых ты была обыкновенной вещью. Так я слушаю тебя... как все это началось?

Ольга заметно успокоилась. Выдвинув пепельницу сильным, почти мужским движением, раздавила окурок, просыпав темно-зеленый табак.

– Обыкновенно. Приехала в Москву, полная надежд, со своим парнем. Красивая, стройная, думала стать манекенщицей, а мой обормот проигрался в карты на второй же день, и мне пришлось отрабатывать его долг в «Массажном салоне». Называется красиво, а на деле самый обыкновенный бордель. Небольшая двухкомнатная квартира, набитая пятнадцатью девками. Через каждые полчаса приходит клиент и выбирает кого-нибудь из нас. Бывало, до того наработаешься, что потом враспырку ходишь.

– Что стало с тем парнем?

В глазах Стася появился металлический блеск, незнакомый Ольге прежде. Глядя на его застывшее лицо, вполне можно было поверить во все ужасные слухи, что вертелись вокруг его имени.

– Зарезали его, – безразлично махнула рукой Ольга. – Он потом опустил, стал бомжевать, ночевал по подъездам. Прибился к какой-то группе таких же. А дисциплина у них там строгая. Что-то сказал не то, вот его и не стало. А что?

– Да так, – неопределенно проговорил Стась. – Я бы с ним сам потолковал. Самая большая твоя ошибка, что ты не совсем верно сказала мне о своих двух мужчинах. Я ведь тебе поверил. Ладно, что об этом, забудь!

– А куда мы едем? – посмотрела Ольга в окно.

– Сейчас все узнаешь. Я приготовил тебе небольшой сюрприз. Очень надеюсь, что он тебе понравится.

Машина мягко притормозила и прижалась к обочине, шугнув стайку воробьев. Славик мгновенно выскочил из салона и, обогнув капот, распахнул дверцу.

– Все готово? – лениво поинтересовался Куликов.

Стараясь не смотреть на зареванную Ольгу, которая поспешно краем платка удаляла следы расплывшейся туши, Слава сдержанно ответил:

– Да. Пока вы разговаривали, я успел созвониться. Нас ждут.

Ольга огляделась по сторонам. Район, куда они приехали, находился на самой окраине Москвы. Рядом с безвкусыными пальцеобразными высотками просматривались двухэтажные покосившиеся бревенчатые строения, которые, казалось, должны развалиться от первого чиха. Здесь же небольшая колонка с цементным стоком. А поодаль стройплощадка, отгороженная высокими бетонными плитами. Внутри территории два разобранных бульдозера и множество покрышек и деталей от техники, разбросанных повсюду. Не зная, что строительство здесь было

заморожено лет пять назад, можно было бы предположить, что тут проходили бои местного значения. У самого забора покосившаяся сторожка с фанерой вместо стекол. Через узкие щели пробивался тускло-желтый свет, как свидетельство того, что жизнь здесь с наступившей разрухой не угасла.

Осторожно, как если бы ступали по минному полю, все трое направились к сторожке, перешагивая через слипшиеся комья земли и стараясь не оступиться в многочисленные рытвины.

Слава негромко постучался, и тотчас из глубины раздался недружелюбный окрик:

– Кого несет?

– Открывай, свои, – дружески протянул Слава.

Щелкнул замок, сердитобрякнула о косяк отцепленная цепь, и дверь, скрипуче повернувшись на петлях, приоткрылась.

В проходе гостей встретила унылая физиономия с семидневной щетиной на щеках.

– Проходите. – Мужчина отступил немного в сторону, пропуская Стася, готового разворотом плеч снести хиленький косяк.

Следом, едва поддерживаемая за локоток Славой, вошла Ольга. В центре комнаты на вращающемся стуле спиной к двери сидела брюнетка.

– Ковыль, поверни ее, – распорядился Стась, шагнув ближе.

– Поговорить хочешь, сучка? – потянул Сергей за плечо женщину.

Стул, жалобно скрипнув, повернулся вокруг оси, и на вошедших испуганно взглянула женщина лет сорока. Серые глаза на высохшем лице казались огромными и делали ее похожей на сову.

– Узнаешь? – спросил Стась у Ольги, которая, едва переступив порог, с ужасом ее разглядывала.

– Да, – наконец произнесла она, чуть разлепив слипшиеся губы.

– А ты узнаешь эту милую девушку? – взял Стась за подбородок женщину. – Только прошу тебя говорить откровенно, – добавил он проникновенных ноток, – а то я очень не люблю совершать насилие... тем более над женщиной.

Брюнетка, вытаращив на Стася ошалелые глаза, пролепетала сдавленным голосом:

– Да, я узнаю ее, она была одной из моих девушек.

– Видишь, как славно у нас с тобой получается. Ты баба понятливая и, я бы даже сказал, разговорчивая, – улыбнулся Стась. – А теперь ответь мне, зачем ты обижала это чудное создание?

– Я ее не обижала, – плаксиво залопотала брюнетка, – у меня была своя работа, а у нее – своя. Я даже не знала, кто она такая, мне ее привели и сказали, чтобы я ее загрузила по полной программе.

– Я вижу, ты немало заработала на этой девочке, – Стась повертел головой, отыскивая, куда бы присесть, и Славик, угадав желание босса, услужливо подставил ему стул.

Теперь они сидели рядышком, едва не касаясь коленями друг друга. Со стороны их можно было бы принять за влюбленную парочку, если бы не глаза женщины, смотревшей на своего кавалера с нескрываемым ужасом.

– Я получала столько, сколько было обговорено «крышей».

– Вижу перед собой очень честное дитя, – погладил Стась волосы брюнетки. – Это так?

Глаза женщины от страха увеличились, и было неприятное ощущение, что ей достаточно будет встряхнуть головой, чтобы они упали на пол скользкими шариками.

– Да, – задрожали ее губы.

– Если это действительно так, ты должна вернуть все причитающиеся ей деньги. Ты посмотри на эту невинную девочку, – повернулся Стась к двери, где с побелевшим лицом стояла Ольга. – Ей страшно при одном воспоминании о вашем сотрудничестве. И кроме тех денег,

что ты ей должна, она еще хочет небольшую компенсацию... Ольга, тебя устроит сумма в сто пятьдесят тысяч долларов?

– Да, – машинально ответила Ольга, вряд ли понимая, о чем ее спрашивают.

– Вот и прекрасно, – поднялся Стась, аккуратно поглаживая брюнетку по черным волосам.

Пряди были густые и длинные, хозяйка борделя напоминала черную холеную лисицу, попавшую в западню. Правильные черты лица, лишенные свежести, все же свидетельствовали о том, что некогда брюнетка была весьма привлекательной особой и час уединения с ней требовал немалых средств. Стась старательно намотал пряди на кулак и с лаской в голосе поинтересовался:

– Думаю, ты не станешь возражать против такого предложения?

По щекам женщины, оставляя темный след туши, покатались слезы.

– Это все, что я накопила за свою жизнь.

– Ты получаешь больше, голубушка. – Стась отпустил волосы и очень нежно вытер слезы на ее щеках. – Я дарю тебе жизнь. А она, поверь мне, стоит куда больше всех денег на свете. Так где мы можем взять сто пятьдесят тысяч «зелеными», разумеется, сейчас? – Он слегка ущипнул брюнетку за подбородок. – Только прошу тебя, не надо со мной шутить, сегодня я настроен очень серьезно.

Уже не пытаясь сдерживать слез, брюнетка всхлипнула и, некрасиво открыв рот, негромко заревела:

– Они в моей квартире... в ванной... В правом углу на полу черная плитка... а под ней в пакете находятся деньги...

– Вот видишь, как мы умеем хорошо разговаривать и понимать друг друга. Жаль, что мое сердце несвободно, у нас получился бы очень неплохой союз. Ты все слышал? – посмотрел Стась на Ковыля, устало облокотившегося о косяк.

– Да.

– Поезжай и проверь.

– Хорошо.

– А ты, – несильно ткнул Стась пальцем в грудь Славика, – постереги ее. Она кошечка тертая, от нее можно ожидать сюрпризов.

– А как же ты?

– Сегодня ты мне не понадобишься.

– Понял.

Стась повернулся к брюнетке, которая, казалось, успокоилась совсем, и сдержанно, не повышая голоса, произнес:

– А вот это тебе от меня подарок!

Неожиданно в его ладони появился нож, и лезвие, заточенное словно бритва, полоснуло левую щеку женщины. Из раны на потемневший от грязи пол брызнула ярко-красная кровь.

– А-а! Что же ты сделал! Как я с таким лицом! – закричала брюнетка, зажимая порезанную щеку ладонями.

Очень тщательно Стась вытер хромированное блестящее лезвие краем тряпки, а потом нажатием кнопки спрятал стальное жало в ручку ножа.

– Это тебе предупреждение, крошка. Чтобы ты поняла, что мы очень серьезные люди и не собираемся шутить. В следующий раз, если ты хотя бы заикнешься кому-нибудь о нашей встрече, мое перышко прогуляется по твоему очаровательному горлышку. Уяснила? Ну вот и хорошо. Пойдем, детка, – ласково обратился Куликов к Ольге, которая как изваяние продолжала стоять у самого порога, не решаясь проходить в комнату. – Кажется, ты слегка растеряна. Ну извини меня, я совсем не хотел тебя напугать. Дай я вытру твои слезки. – Он достал из кармана платок и бережно промокнул Ольге глаза. – Ну вот видишь, все позади, теперь тебя

никто не тронет. У тебя есть защитник. Ну улыбнись. Улыбнись же! Ты хочешь, чтобы я встал перед тобой на колени?

– Нет! – торопливо произнесла Ольга, щеки ее дрогнули, и губы неохотно разлепились в страдальческую гримасу.

– Ты у меня хорошая девочка. Я знал, что ты меня поймешь, – и, взяв девушку за плечи, слегка подтолкнул ее к выходу.

– Куда мы сейчас? – спросила Ольга.

По ее телу неприятной волной пробежал озноб; одетая в теплый кожаный плащ, она почувствовала невероятный холод, а зубы мелко и противно замолотили дробь.

– У меня такое чувство, что мне дышат в затылок. Поверь, в этих делах я редко ошибаюсь. Нам нужно исчезнуть, Ольга, хотя бы на полгода. А там, когда все наконец утихнет, мы объявимся вновь.

Глава 2

Шевцов редко обращался за помощью к Афоне Карельскому, но уж если подобное случилось, значит, по-другому поступить было невозможно.

Афону Карельского многие причисляли к «прошлякам». После последней отсидки, лет шесть тому назад, от воровского дела он отошел и, открыв сапожную мастерскую, промышлял тем, что подбивал набойки на стоптанные каблуки да ставил заплатки на прохудившуюся обувь. Его изредка можно было встретить в дорогих казино и шикарных ресторанах, но и там он вел себя странновато, – выпив рюмку-другую, заведение покидал. Казалось, что он не обращал внимания на свой упавший статус и больше думал о заколачивании копейки, чем о нуждах тех, кто парился на нарах. Но мало кто знал о том, что в его сапожной мастерской, под дубовыми досками, всегда хранилась зеленая наличность – часть районного общака. А неразговорчивые мальчишки, невесело подбивающие подошвы придирчивым клиентам, – очень надежная охрана. Подчинялись они смотрящему района, имели привычку никому не доверять и на всякий случай вполглаза наблюдали за Афоне Карельским. Обшак – дело святое.

Частенько к Афоне забегали прежние подельники – вспомнить боевые деньки и просто потравить тюремные байки. Случалось, заглядывала заматеревшая молодежь. Эти больше из любопытства – им трудно было поверить, что в иные времена остро заточенным пятаком добывалось денег куда больше, чем тяжеленным фомичом. Разглядывали Афону без всякого стеснения, как это делают туристы, созерцая разрушенные дворцы Римской империи, пусть ушедшей в небытие, но все же великой. Холеные, с мобильными телефонами в руках, с жизнеутверждающим громким смехом, они ничем не напоминали былую уголовную элиту, стремившуюся не выделяться из уличной толпы.

По-своему Афоня Карельский любил всех и никому не отказывал в приеме, и, возможно, благодаря своему легкому характеру и умению ладить со всеми, он был посвящен в самые сложные взаимоотношения между воровскими семьями.

Шевцов уверенно распахнул дверь и оказался в небольшом помещении, пропахшем отсыревшей кожей. В самом углу, нацепив черные очки на нос, Афоня огромными ножницами кромсал тонкий войлок, мимоходом сбрасывая неровные лоскуты на пол.

– Я к тебе, Афоня, – оторвал майор сапожника от дела.

Афоня Карельский приподнял очки и в упор посмотрел на Шевцова. В темно-карих глазах вора радости Вадим не увидел. Не было в них и беспокойства.

– Не Афоня, а Степан Григорьевич. Это я в «чалкиной деревне» был Афоня Карельский, а здесь я уважаемый человек, клиентуру имею, достаток, так что, будь добр, начальник, величай как положено.

Шевцов улыбнулся.

– Хорошо, Степан Григорьевич, не буду, если не велишь. А только хочу тебя спросить, какой это бес тебя попутал три дня назад?

– А что такое? – насторожился Афоня.

– Сцапал тебя наш опер, когда ты в метро одному фирмачу в карман залез. Было или нет?

Голос Афони Карельского заметно потеплел:

– Было, начальник, чего скрывать. Думал, что по новой срок мотать начну, да опер понимающий попался, сжалился.

– Да не сжалился, Степан Григорьевич. – Улыбка Шевцова сделалась еще шире. – Это я тебя отмазал. Попадешь ты на зону, и вся твоя ценность теряется. Ты мне на свободе нужен.

– А я-то думаю, что это опера такие жалостливые попались? Не похоже на них.

– С чего это тебя на кошелек потянуло? Я слышал, ты в завязке.

Афоня отложил ножницы в сторону и, догадываясь, что разговор будет долгим, закурил папиросу.

– Так-то оно так, конечно, а только и квалификацию терять не хочется. Кровушка хотя бы раз в полгода должна по жилам быстрее бежать, а то ведь я совсем захирею. Я как арабский жеребец, в стойле стоять ему противопоказано, иначе он сдохнет, ему простор нужен. Значит, это я тебе своим освобождением обязан? – Афоня затаился глубоко.

– Мне, Степан Григорьевич, если бы не я, так ты бы уже пару дней в Бутырке парился.

– Чего же ты хочешь, майор? Я привык долг отдавать вовремя. Спрашивай, чай не из любопытства явился.

– А ты проницательный. – Шевцов присел рядом.

– Станешь проницательным, когда опера тебе в затылок дышат, – обиженно протянул Карельский.

– С чего ты взял? – усмехнулся майор Шевцов.

– Думаешь, я не отличу обыкновенного топтуна от опера? Я на скамейку подсаживаюсь к какому-нибудь фраеру, и он рядышком со мной. Я в толпу иду, чтобы затеряться, и он следом. Все ждет, гаденыш, когда я в карман лоху залезу, чтобы с поличным меня сграбастать.

– Трудная у тебя работа, – сочувственно сказал Шевцов.

– А ты как думал! Прежде чем в чужой карман два пальца засунешь, семь потов с тебя сойдет. И если б ты знал, как неохота на старости лет в «чалкину деревню» отправляться. Это не тридцать лет назад, когда я был молодой и зеленый, когда в жизни-то ни хрена не понимал и когда стариков уважали. Сейчас в тюрьмах в почете не понятия, а сила, вот поэтому «бакланы» и правят. И сейчас там всем тяжело, что мужику, что блатному. Так что ты хотел?

– Ты здесь один? – поинтересовался Шевцов, подняв подшитый ботинок.

Обувка была старая, прожившая не один сезон, но было похоже, что хозяин расставаться с ней не спешил, по наивности принимая ее за редкостную реликвию. Подшитая и подклеенная в нескольких местах, давно отжившая выделенный судьбой срок, она была буквально вытащена сапожником с того света. Мастера совершили настоящий подвиг, что подтверждает истину – настоящему таланту подвластно любое ремесло.

– Один, мои помощники в другой комнате, – махнул указательным пальцем за спину Афоня Карельский. – Но пока здесь у меня посетитель, они не сунутся, таков порядок.

– Воспитанные.

– Верно, отмороженным у меня делать нечего.

Шевцов аккуратно поставил ботинок на место, проследив за ревнивым взглядом Афони, и сказал:

– Мне бы хотелось знать побольше о Стасе Куликове.

– Ах, вот ты о чем. – Шевцову послышалось в голосе сапожника облегчение. Тот даже слегка повеселел. – Очень серьезная фигура.

– У меня есть данные, что его нет в живых.

– Я тоже слышал. На твоём месте я бы не очень верил всем этим разговорам. Он дерзкий, этого у него не отнять, но его нахальство всегда сочеталось с большим умом. Даже если бы я увидел его могилу, то не стал бы верить в его кончину.

– Отчего же?

– Причин здесь несколько. Во-первых, он обидел многих уважаемых людей своей заносчивостью. Так себя не ведут, это не по понятиям! Во-вторых, он врывается не в свои дела, а за это очень строго спрашивают. Из того, что я знаю, он давно готовил себе пути отхода, окружил себя телохранителями, похожими на него фигурой, лицом. И я не исключаю того, что труп, который вы нашли в обгорелом автобусе, принадлежит его двойнику. Такой расклад в духе Стаса Куликова. – Карельский на минуту призадумался. – Хотя, если уж быть откровенным до

конца, я не исключаю того, что это мог быть и он. Его давно уже следовало убить. Ты знаешь, с чего он начал свою карьеру?

Афоня Карельский поднял с пола женский сапог. Осмотрев его со всех сторон, уверенно проколол шилом кожу в нескольких местах.

– Напомни, – заинтересовался Шевцов.

– Он набрал таких же отмороженных, как и он, и они начали потихоньку оттеснять воров с площади трех вокзалов. Сам понимаешь, деньги там крутятся немалые, это базарчики, небольшие магазины, гостиничный комплекс и так далее. Правда, он потерял несколько человек, но тем не менее бой выиграл. Ты ведь не думаешь, что он остановился на достигнутом? – Афоня ловко вдел суровую нить в сапожную иглу и, просунув ее в проколотое место, сделал первый стежок. – Ничего подобного! Ему этого показалось мало. Он начал оттеснять братву со всех столичных рынков. Коммерсантам стал давать свою «крышу», окружил себя беспредельщиками и отморожками, зажил не по понятиям, деньги вобщак отстегивал не всегда. Старался все подгрести под себя. Даже со своих драл три шкуры. За то время, пока находился в Москве, он столько успел нахапать, что ему на десяток жизней хватит. Так что ему просто необходимо было исчезнуть. Стежки ложились ровно, образуя сплошную линию. Работа, судя по всему, доставляла Афоне Карельскому немалое удовольствие, от усердия он даже высунул кончик языка, а когда наконец кожа была подшита, он чиркнул кривым ножом нитку и аккуратно подвязал обрезанный конец.

– А с вашей стороны его никто не ищет? – равнодушно спросил Шевцов.

– Однако ты много хочешь знать, начальник. Ладно, скажу тебе как на духу. Его ищут, и очень старательно, и если найдут, то живым ему уже не уйти. Уж слишком много он путаницы принес. А потом, если ты нашел богатого лоха и стрижешь с него «капусту», так будь добр, поделись и с остальными. Ведь братва на зоне парится и порой даже куска мяса к столу не имеет. А он хакает в три горла и начихал на остальных.

Афоня неторопливо поставил подшитый сапог на место. Он радовался каждой своей починке так же, как некогда удачно вытянутому кошельку. Но самое удивительное, карманник не боялся проколоть пальцы иглой, что могло привести к длительной нетрудоспособности, а следовательно, окончательно перековался. Майор Шевцов подумал, что нужно дать команду топтунам оставить Афонию в покое.

– У меня к тебе есть еще одна просьба.

– Надеюсь, не слишком обременительная, – насторожился бывший карманник, выискивая глазами очередную обувь, требующую неотложной помощи.

– Ты же знаешь, я просто так не нагружаю.

Был найден ботинок и победоносно водружен на низком обшарпанном столе. Вадим невольно улыбнулся при мысли, какое смятение поселилось бы в душах дам, если бы они узнали, чьи руки подшивали им туфельки.

– Так... И в чем дело?

– К тебе народ заходит самый разный. Разговоры ведутся всякие. Насколько я знаю, тебя не очень-то стесняются. Ты умеешь ладить со всеми.

– Есть такое дело, – согласился Афоня, польщенный похвалой.

– Если будут вестись разговоры о Куликове, ты мне сообщи. Может, его кто-то узнает в случайном прохожем или сам где-то неожиданно объявится. Я бы хотел с ним встретиться раньше, чем те люди, которые его разыскивают.

Карельский призадумался крепко.

– Нелегкая просьба, гражданин начальник. Ну да ладно, обещаю, он все равно от нас никуда не денется, даже если вы его в одиночку запрячете.

– Значит, договорились, – поднялся майор Шевцов.

– У меня тоже к тебе просьба есть, начальник.

– Слушаю тебя, – уже у самого порога спросил Шевцов.

– Ты бы тоже не говорил никому, что меня сцапали в метро... Неудобно как-то получается. Все же знают, что я в завязке.

– Обещаю, – согласился Шевцов.

Афоня заметно расслабился.

– Я тебе вот что еще хотел сказать, начальник. Ты бы похлопотал, чтобы Корикова из Бутырки перевели. Иначе ему не выжить. Тюремное радио быстрое, так вот, люди уже знают, что Максим Кориков – корефан Куликова. А за такое дело с него спросят строго.

– Хорошо. Ну, будь, – прикрыл за собой дверь майор Шевцов.

Предупреждения, сказанные на прощанье Афоней, царапнули Шевцова. Разумеется, карманник знал больше, чем говорил, но остальное он не скажет, даже если вытягивать из него слова клещами. Эту породу людей майор знал хорошо.

В нескольких шагах от сапожной мастерской находилась телефонная будка. Шевцов набрал номер полковника Крылова:

– Товарищ полковник, это майор Шевцов говорит.

– Так, слушаю тебя, герой, – почти обрадованно отозвался Крылов.

По довольному голосу полковника можно было понять, что день тот провел не на ковре у начальства.

– Мне нужно с вами поговорить.

– Завтра, как обычно, встречаемся все у меня в кабинете, – радушно сообщил полковник.

– В нашем деле появились кое-какие новые моменты, и мне бы хотелось обсудить их с вами сейчас.

На несколько секунд в трубке установилась пауза.

– Где ты находишься? – наконец спросил полковник.

– В пятнадцати минутах от управления.

– Хорошо, я тебя жду.

Полковника Крылова Шевцов встретил в коридоре. Заметив майора еще издалека, тот раздраженно постучал пальцем по циферблату:

– Только быстро. У меня нет времени. Я вспомнил, что у меня срочная встреча с моим осведомителем. Не приводить же его сюда, в управление? – почти в отчаянии произнес полковник.

Майор изобразил на лице понимание и живо отозвался:

– Разумеется.

У полковника была уютная двухкомнатная квартира, где он обычно встречался со своими тайными агентами. Но тихий район, небольшой домик, стоящий в глубине темного двора, с выходом в тенистый палисадник, ему нужен был и для более конфиденциальных бесед. Об этом в управлении судачили многие. Наслышан был и майор Шевцов. Теперь он желал только одного – сохранить серьезность и не рассмеяться, когда полковник будет рассказывать о тактике предстоящего допроса.

– По дороге расскажешь, время не терпит, – вновь многозначительно посмотрел Крылов на часы и заторопился по коридору.

В этот период Крылов имел романтические отношения с двадцатилетней манекенщицей, подругой одного из московских влиятельных авторитетов, который даже не подозревал о том, что является молочным братом полковника милиции. В жизни все так переплетено...

– Тут такое дело, – заспешил следом Шевцов. – Не исключено, что от Корикова могут избавиться. Нельзя ли его перевести из Бутырки в какое-нибудь другое место?

Полковник Крылов приостановился и внимательно посмотрел на Шевцова.

– А ты ведь опаздываешь, майор.

– Не понял, товарищ полковник.

– Я к тому, что слаб оказался твой Корилов, сегодня утром повесился.

– Его убили, товарищ полковник.

– Ну, знаешь ли, не нам решать. Там и без нас люди имеются, разберутся. А мы свое дело сделали, задержали его, препроводили куда следует. У тебя есть еще что-нибудь ко мне?

– Товарищ полковник, Корилов с Куликовым были большие друзья, знали друг друга с детства. И его убийство – это скорее всего предупреждение самому Куликову, а значит, он жив.

Полковник явно торопился. Даже не дослушав майора, он быстро затопал дальше. Не иначе как в двухкомнатной квартире его ожидала уже расправленная постель, где он надумал учинить дознание.

– Опять ты воду мутишь. Повторяю: чтобы возобновить дело, нужны веские основания. Оно закрыто! Ну какой у тебя серьезный мотив, ты можешь мне его предоставить?

– Пока нет.

– Ну вот как будет, тогда и поговорим.

Полковник распахнул дверь и торопливо зашагал к служебной машине, где в ожидании начальства томился молоденький сержант, тоскливо положив русую голову на черный руль.

Подождав, пока машина полковника, сердито резанув сиреной, затеряется в потоке транспорта, Шевцов направился к своей старенькой «Волге».

Через полчаса он подкатил к воротам загородного кладбища. Место было пустынное, если не считать небольшой часовенки у самого входа.

У скромного двухэтажного строения, неряшливо побеленного, сидело четверо мужичков. Наверняка кладбищенские рабочие. Они неторопливо курили и, кисло улыбаясь, рассказывали друг другу похабные байки. Глядя на этих мрачноватых и безликих могильщиков, невольно чувствуешь смятение, замешенное на суеверном страхе: для них ежедневная смерть такая же обыкновенная работа, как для булочника выпечка хлеба.

Вокруг кладбища деньги крутятся немалые, но Шевцова всегда удивлял омерзительно неряшливый облик служителей смерти: в глиноземе, с перемазанными лицами, они напоминали обычных бомжей, проживших половину своей жизни на городских свалках. А церквушка, стоявшая недалеко от входа с небольшим флигельком, больше походила на богадельню, и всякого, кто видел эту картину, подмывало достать припрятанный рубль и с жалостливой физиономией бросить к ногам рабочих.

Единственное, что удерживало от щедрого жеста, так это глаза могильщиков – холодные и очень спокойные, каких не бывает даже у самых заносчивых бродяг. На каждого посетителя кладбища они смотрели как на потенциального покойника, при этом профессионально рыскали взглядом по фигуре, будто уже намеревались брать мерку для будущей ямы.

– Послушайте, ребята, где здесь могила Стаса Куликова? – подошел Шевцов ближе.

– Кулика, что ли? – спросил один из них, высохший и черный, как астраханская вобла, так и бросался в глаза мартовский загар.

– Его самого, – ответил Шевцов. – Вместе когда-то парились под Воркутой, хотел могилке его поклониться.

– А-а, – изобразил на лице нечто похожее на сочувствие загорелый и уже бодро, явно принимая Вадима за своего, заговорил: – Пройдешь прямо по этой аллее метров пятьдесят, а там, у бетонного столба, повернешь направо и держись левой стороны. Могила у самой тропы, там увидишь.

– Спасибо, братцы, – с чувством отозвался Шевцов и, не дожидаясь ответного слова, затопал по тропе.

Кладбище было убогим, и такая знаменитость, как Стась Куликов, упокоенная в местном красноземе, значительно поднимала его статус. Таким личностям, как Кулик, пристало быть захороненными не где-то на окраине Москвы, а на Ваганьковском кладбище, вблизи собора, в

окружении прочих почивших знаменитостей, а он лежал среди рядовых граждан, ничем особым не проявивших себя при жизни.

Могила Стася Куликова майор Шевцов увидел сразу. Точнее, каким-то шестым чувством он выделил ее еще издали среди множества однотипных, густо натыканных крестов. А когда подошел поближе, даже не удивился своему предвидению.

Как ни странно, все очень простенько, без затей. Обыкновенно. Грустный глинистый холмик с дешевеньким, небрежно сваренным крестом, грубоватая пайка выпирала некрасивыми узлами. Если бы не знать, что на глубине двух метров покоится человек, бывший при жизни тeneвым префектом Юго-Западного округа, чьи возможности распространялись куда шире, чем у его официального коллеги, то можно было бы подумать, что это могила самого заурядного человека, самое большое геройство которого заключалось в том, чтобы не поздороваться со сварливой соседкой на лестничной площадке.

Обычно таких авторитетов, как Стась Куликов, хоронят с большой помпой. На площади перед кладбищем бывает тесно от дорожущих автомобилей, народ на могилу приходит сентиментальный, чувствительный. И никто из присутствующих не осудит, если иной и поморщится плаксиво. Речи на могиле, как правило, всегда короткие, но очень емкие и больше напоминают клятвы, чем слова прощания. Памятники на могилах высокие и капитальные, какие не часто встретишь даже у политических вождей. Иначе нельзя, братва не поймет. Никакая религия не обходится без святых мест, а уголовная и подавно. Ведь должна же куда-то приходить подрастающая молодежь, чтобы совершить обряд причащения и дать клятву на верность братству.

Теперь у Вадима Шевцова не оставалось никаких сомнений по поводу воскрешения Стася Куликова. Не тот он человек, чтобы вот так бездарно сложить буйную головушку и быть упрянтанным в сырой осиновый гроб. На кресте даты рождения и кончины. Фотография отсутствовала, что само по себе было очень знаменательно.

Постояв еще немного, майор затопал в обратную сторону. У самого входа ему повстречался все тот же высохший мужичок с несмываемым загаром на впалых щеках.

– Ну как, навестил кореша? – На лице дежурное участие. В умных, слегка прищуренных глазах трудно скрываемый интерес. О нежданном госте он хотел бы узнать побольше.

– Главное наше с ним свидание впереди, – очень серьезно ответил майор Шевцов.

– Это верно, – легко согласился могильщик. – Все мы под богом ходим, кому знать, если не мне. – Ответ майора он принял за глубокую мысль.

По его озадаченному лицу было заметно, что он хотел спросить что-то еще. Но в той среде, где он находился, задавать вопросы было не принято.

Махнув на прощание рукой, Шевцов вышел за ворота кладбища.

Глава 3

– Одна беда: там совершенно невозможно следить. Абсолютно ровное поле с торчащими крестами. Нет ни кустов, ни деревьев, ничего такого, за чем можно было бы укрыться. Я уже думал об этом, – мелко барабанил по столу карандашом майор Шевцов, – так что идея выставить там пост наблюдателей очень неудачная. Если Куликов и в самом деле жив, то сейчас он предельно осторожен, он даже близко не подойдет, едва почувствует для себя какую-то опасность. К тому же я не исключаю, что могильщики могут быть связаны с Куликовым и шепнут ему мгновенно, как только заподозрят что-нибудь неладное. Здесь нужно придумать что-то похитрее. Но вот что?

Вадим в раздражении швырнул карандаш в сторону, и тот зарылся в ворох исписанных бумаг. Тяжело откинувшись на высокую спинку стула, он заложил ладони за голову и устало поинтересовался:

– Может быть, у кого-то есть другие предложения?

– А если устроить на кладбище нашего человека? – предложил капитан Васильчиков.

– Исключается, – после некоторого раздумья ответил майор. – Могильщики – это каста, они хорошо знают друг друга, связаны многолетней дружбой, общими знакомыми, работа там хотя и пыльная, но весьма прибыльная, и поэтому к себе они берут исключительно своих. И если мы будем навязывать им нашего человека, пусть даже через подставных лиц и с хорошими рекомендациями, это может вызвать кривотолки. И это еще не самое худшее! – Поднял палец вверх Шевцов. – Например, на него случайно может обрушиться стенка свежевырытой могилы, а он, будучи пьяным, не сумеет выбраться со дна и задохнется. Кстати, у нас бывали подобные случаи. Или еще пример с края ямы скатится ломик и стукнет его по темечку. Но даже если трагедии никакой не случится, могильщики все равно не допустят его в свой круг. А если Куликов и в самом деле жив, то он в первую очередь узнает о подозрительном пополнении. Нет, здесь необходимо действовать как-то поювелирнее.

И вновь карандаш, оказавшись в его руках, забил беспокойную дробь.

Четыре дня назад майор Шевцов бросил курить. В очередной раз. Для начала он подарил пачку «Бонда» своему водителю и, оставшись без сигарет, сильно страдал. Он мучился даже не от того, что не может закурить, а просто как бывший курильщик не имел права запретить своим коллегам дымить в этой комнате. И сейчас был вынужден испытывать огромные неудобства. Но хуже всего было то, что Шевцов не мог ни о чем думать, кроме как о паре крепких затяжек. Обязательно глубоких, чтобы горячий дым раздирал бронхи и в броуновском движении гулял по лабиринтам легких. Мысль в таком состоянии напоминала хиленького карлика и не желала расти. А следовало придумать что-нибудь нестандартное, отчего даже у хронического скептика полковника Крылова зачесался бы затылок.

Вадим Дмитриевич молча наблюдал за капитаном Васильчиковым. Умеет дымить красиво, стервец! Впрочем, Олег все делает изящно. Этого у него не отнять. Даже если он в присутствии третьих лиц похлопывал хорошенькую секретаршу ниже талии, то это не расценивалось как вульгарное поведение, а больше смахивало на нестандартное ухаживание.

Внимание Вадима привлекла пачка сигарет. Мятая. Некрасивая. Из нее вызывающе торчали три сигареты и словно проверяли майора на прочность. Остальные в комнате, не подозревая о муках майора, вытаскивали из пачки сигарету за сигаретой и лихо, как это делают пацаны в пору взросления, раскуривали и дымили под самый потолок.

Все, хватит самоистязания! Вадим торопливо выудил из пачки сигарету и сунул ее в рот. Зажигалки на столе не оказалось. Майор приподнял газету. Исчезла, зараза! Не было ее и среди вороха бумаг. Понятное дело, он с куревом завязал, но с зажигалкой, купленной в Париже, расставаться не собирался. Память, знаете ли. Сержант Сергей Белов, с выражением блаженного,

только что заполучившего в качестве пожертвования золотой червонец, беззаботно поигрывал именной зажигалкой.

– Дай сюда! – выхватил ее Шевцов у сержанта. – Прикурил, положи на место. Не пацан ведь, чтобы баловаться. Опять о бабах думаешь?

– Да так, – чуть покраснел сержант и виновато отвел глаза в сторону.

Пламя выскочило из сопла махоньким дьяволом и мгновенно обожгло конец сигареты, слегка примятой. Майор с наслаждением затянулся. Легкие, позабыв о едва начавшемся посте, с удовольствием приняли в себя табачный дар. Боже, какое счастье, и стоило ли себя так пытаться? Вадим даже закрыл глаза, прислушиваясь к собственному организму, который буквально орал от блаженства.

– Ты же, кажется, бросил, – произнес Васильчиков, пытаясь смотреть на майора с сочувствием. Но вместо сопереживания в черных зрачках прыгали бесенята – и ты не удержался!

– Бросишь тут с вами, – аккуратно поставил он зажигалку на стол.

– Так мне как, товарищ майор, пачку сигарет вам возвращать? – безраздосто поинтересовался Алексей.

– Ладно, – отмахнулся Шевцов, – считай это моим подарком. Когда у тебя день рождения?

– Через полгода.

– Считай, это тебе на день рождения от меня.

– Спасибо, товарищ майор, – улыбнулся сержант.

– Пришла кому-нибудь дельная мысль? Ну? – Майор посмотрел на стажера, парня лет двадцати, круглого и холеного, похожего скорее на кондитера, чем на будущего опера.

– Может, завербовать? – предложил тот, неопределенно пожав плечами.

– Словечек-то каких нахватался, – хмыкнул майор. – Мы тебе не абвер... Хотя в твоих словах есть здоровая мысль, – задумчиво

протянул он. И уже решительно, видно, отыскав какой-то выход, заговорил: – Нет, не годится. Здесь есть риск. Вдруг этот человек захочет поиграть в двойную игру, тогда мы в провале. А потом, подобная разработка требует всегда очень много времени, а у нас его просто нет. У меня есть другое предложение. Установить на кладбище, в пределах видимости, машину, в ней будет видеокамера, которая станет записывать каждого, кто подойдет к могиле. Установим дежурство, кассету будем менять. Камера должна работать бесперебойно день и ночь. Понаблюдаем с недельку, а там посмотрим, что будет дальше. – Майор неожиданно улыбнулся. – У меня такое ощущение, что нас ждут впереди очень интересные сюрпризы. – И, раздавив окурок о блюдечко, произнес: – Надумили. Надо бы хоть форточку открыть.

Глава 4

– А куда мы едем? – спросила Ольга, не выдержав затянувшегося молчания.

Она так и не сумела выработать свою линию поведения со Стасем. Подлаживаться к нему было бесполезно – он менялся на протяжении дня неоднократно и, как древнегреческий актер, имел за спиной по несколько масок. Подобное лицедейство можно было наблюдать только на сцене. А что касается профессионализма, то даже самым именитым артистам он смог бы преподать неплохой урок мастерства.

Так же молниеносно менялись и его планы. Еще неделю назад они, счастливые, бродили по улицам Парижа, взявшись за руки, и не думали съезжать с Елисейских Полей по крайней мере с полгода. Но уже вечером Стась объявил о своем решении возвратиться в Москву. Ольга тихо запротестовала, пытаясь объяснить, что они не реализовали даже сотую часть планов, которые задумали, но внезапно наткнулась на жесткий взгляд Стася. Точно такими же глазами он смотрел тогда на хозяйку притона, перед тем как полоснуть ее лезвием по лицу, и Ольга с ужасом подумала, что теперь настал и ее черед.

Но далее голос Куликова прозвучал неожиданно мягко:

– Я очень хочу, чтобы ты понимала меня, моя девочка. Тогда нам с тобой будет хорошо. Ты меня слышишь?

– Да.

– Вот и славно. Знаешь, я просто здесь очень устал. Я соскучился по дому. И потом, в Москве у меня имеются кое-какие дела. Вот выполню их, и мы вернемся, – говорил он так же ласково. – Хорошо?

– Я сделаю все, как ты хочешь.

– Такой ты мне нравишься.

– А что мы там будем делать?

Куликов едва глянул на Ольгу и произнес с улыбкой:

– Скоро узнаешь.

Больше к этой теме они не возвращались.

«Мерседес» аккуратно подрулил к воротам кладбища, потеснив на обочину выехавшую навстречу «девятку», и, не обращая внимания на протестующие звуки клаксона, сделал разворот и занял удачное место на выезде.

– Мне нужно кое-кого здесь повидать. Ты останешься в машине или пойдешь со мной? – учтиво поинтересовался Куликов.

Ольга недовольно фыркнула:

– Это не самое романтическое место для свиданий.

– Возможно. Считаю, что я оценил твой юмор по достоинству. Значит, я пойду один.

Стась распахнул дверцу, вылез и чуть косолапой походкой затопал по дороге. Он шел уверенно, не оборачиваясь на кресты, тесным рядом выстроившиеся по обе стороны, как если бы проделал этот путь не однажды. Свернул на нужную аллею и остановился у скромной могилы с просевшим холмиком. На проржавленном убогом кресте некрасиво, по правую сторону, висел пожухлый венок. Кладбище было безлюдным – на аллеях сплошная грязь. Но Куликов не мог отделаться от чувства, будто за ним кто-то настороженно наблюдает. Несколько минут он боролся с искушением, а потом, не выдержав, обернулся. Как и прежде, его молчаливо встретили кресты. И больше никого.

В последнее время он стал чересчур мнительным.

Поправив воротник, Стась неторопливой, но твердой походкой направился к машине.

Ольга, удобно откинувшись на спинку кресла, курила, выпуская упругую серую струйку в полуоткрытое окошко. На спокойном лице блаженство. Было похоже, что кладбищенская благодать начинала ей нравиться.

Куликов, решительно распахнув дверцу, сел на водительское место.

– Ты был долго...

– Знаешь, чью могилу я посетил? – чуть улыбнувшись, спросил Стась.

– Понятия не имею, – пожала Ольга плечами.

– Вот это ты напрасно. – Куликов повернул ключ зажигания. – Ты его прекрасно знаешь.

Ольга щелчком выбросила сигарету в окошко и вежливо удивилась:

– Вот как... Очень интересно. И чью же могилу ты посетил?

«Мерседес» с нахальством светского джентльмена оттеснил грохочущий самосвал и, заняв свободную полосу, прибавил скорости, обгоняя попутные машины.

– Свою, детка.

Куликов бросил взгляд на девушку и увидел в ее глазах суеверный ужас.

– Разве так бывает?

– Как видишь, случается.

Продолжая стойко сохранять спокойствие, Крачковская спросила с деланным равнодушием:

– Ты мне расскажешь, как это произошло?

Стась надавил на газ и не без удовольствия почувствовал, как адреналин, выброшенный в кровь, забурлил:

– Конечно. Теперь от тебя, девочка, у меня не осталось больше секретов.

Глава 5

Майор Шевцов вытащил из сумки кассету и сунул ее в видеомэгнитофон. На большом экране «Самсунга», как и раньше, рельефно обозначились свеженасыпанные глинистые холмики, почерневшие кресты и стая ворон, оккупировавших ограду. И больше ничего! Ровным счетом.

Втайне он надеялся, что судьба преподнесет ему ребус, над которым не грешно будет поломать голову целому отделу, но уже седьмые сутки Вадим лицезрел безрадостную картину кладбищенского покоя. На всех кассетах абсолютно одно и то же: кресты, могилы и каркающее воронье, суетливо перелетающее с одной ограды на другую.

Ничего необычного не предвещала и кассета, изъятая накануне. Правда, в отличие от прошлых дней – по-весеннему грязных и сырых, – слегка распогодилось, и из-за серой плесени облаков робко пробилось солнце.

В последнее время Шевцов задерживался допоздна. Здание управления в этот час было полупустым – очень неплохое время, чтобы осмысленно поработать и побаловаться пивком.

Достав из холодильника баночное пиво, он движением мизинца распечатал его и, устроившись поудобнее в глубоком кресле, с азартом любителя фильмов ужасов принялся наблюдать за мрачным унынием.

Шевцов выпил первую и принялся за следующую баночку, как вдруг в кадре появился мужчина в черном длинном пальто, в шляпе, он казался обыкновенным человеком, каких частенько можно встретить, печально бредущих за траурной процессией. Сначала Вадим не обратил на него особого внимания, приняв его за случайного прохожего, и продолжал безмятежно попивать пиво. Но мужчина повернул на аллею, на которой был захоронен Куликов. Внутри заныло от сладостного предчувствия. Тот шел, не оглядываясь по сторонам, как по хорошо знакомой улице. Рядом, обеспокоенная чужим присутствием, взлетела с креста огромная ворона и, недовольно каркая, устремилась в голубую пустоту.

Мужчина остановился напротив злополучной могилы. Стоял неподвижно, как солдат в почетном карауле.

– Обернись!.. Обернись!.. – шептал майор Шевцов, и, словно услышав его мольбу, мужчина посмотрел назад, невольно устремив взгляд прямо в объектив видеокамеры.

Вадим этого очень желал, но психологически не был готов к тому, что увидел на экране: на расстоянии пяти шагов на него в упор смотрел воскресший Стась Куликов. Кулик стоял около могилы еще минуты две. Вот ударил порыв ветра, и он, зябко поеживаясь, поднял воротник и, поддев концом ботинка слежавшийся ком глины, пошел прочь.

Видеокамера еще несколько минут наблюдала за его чуть криволапой походкой, а потом Кулик исчез из поля зрения, затерявшись среди оград.

Шевцов допил пиво, заев его тонким ломтиком осетрины, и перемотал кассету немного назад. И вновь он увидел мужчину в длинном модном пальто, неторопливо идущего к месту своего захоронения. Вадим остановил кадр на том самом месте, где мужчина, развернувшись, смотрел в камеру. Сомнений быть не может. На кладбище был Куликов. Сколько раз он держал в руках его фотографии и, казалось, изучил его лицо куда лучше, чем свое собственное. А может, это вовсе не Куликов, а упырь, уставший от тесного объятия могилы. Покойничек, так сказать, решил нанести визит своим недоброжелателям. От неприятных мыслей по коже пробежался холод.

Подняв трубку телефона, Шевцов снова потревожил начальство.

– Геннадий Васильевич?

– Да, это я.

– Вам звонит майор Шевцов. – Вадим старался не выдать своего волнения.

– Что там у тебя? – Голос прозвучал слегка раздраженно. Полковник не любил, когда ему звонили позднее восьми часов вечера.

– Я нашел Куликова.

– Вот как? Где?

– Как вы знаете, на кладбище мы установили видеокамеру, так вот на одной из кассет запечатлен Стась Куликов.

– Дело очень серьезное. Ошибки быть не может? Мало ли похожих людей.

– Похожих людей немало, но ведь не до такой же степени, Геннадий Васильевич.

– Хорошо. Я тебя понял. Ладно, не будем обсуждать это по телефону, поговорим обо всем завтра. – И, не прощаясь, полковник положил трубку.

Вадим почувствовал себя усталым. Неплохо было бы разрядиться после трудового дня и провести остаток вечера в обществе прекрасной дамы.

Шевцов достал блокнот и, внимательно вчитываясь в каждую строчку, принялся перелистывать страницы. Список был внушительный и включал в себя около пятидесяти женщин, с которыми судьба свела его хотя бы однажды. Он любил общаться с прекрасной половиной человечества. И это не всегда были ни к чему не обязывающие разговоры за чашкой чая. В женщинах его привлекала страсть, подчас жесткая, кошачья, способность выгнуть спину и рычать от удовольствия. Вадим был из тех людей, чью жизнь можно было проследить именно по личным блокнотам. Понимая, что связь с женщиной не может оставаться бесконечной, он вписывал их внешние параметры, отмечая особенности темперамента, полагая, что в далекой старости чтение подобных дневников сможет здорово позабавить его. Но тем не менее Шевцов не был циником и женщин любил. Каждая из них трогала в его душе какую-то особенную струнку, о которой он и не подозревал, именно жажда нового толкала его к очередным приключениям.

Вадим Шевцов мог познакомиться с женщиной на улице, на трамвайной остановке, в автобусе, но особенно успешно у него получалось установить с ними отношения непосредственно на службе. Как врач, не упускающий возможности завести шашни с миловидной пациенткой, так и он при случае продолжал более тесное знакомство с той или иной очаровательной свидетельницей. Таких женщин в его коллекции было большинство.

Каких-то года два назад майор мог заводить романы одновременно с несколькими девушками и совершенно не ощущал перегрузки. Такие связи не тяготили его ни морально, ни физически, но с некоторых пор он стал чувствовать усталость. Хотелось какой-то стабильности, душевного покоя, что ли. Количество женщин вовсе не перерастало в качество, наоборот, с возрастом он становился все менее разборчивым, стараясь не обидеть отказом даже самую невзрачную.

Все переменилось полгода назад, когда при раскрытии одного из ограблений ему пришлось допрашивать совсем молодую девушку с красивым именем Виолетта.

Сначала майор затеял небольшой, ни к чему не обязывающий флирт, но кто знал, что обыкновенное дурачество может перерасти в чувство? Красивая, яркая, как фотомодель на обложке столичных журналов, Виолетта привлекала внимание многих мужчин. Редкий из них не оборачивался в ее сторону. В такие минуты Шевцов переполнялся гордостью – вот вы на нее глазками зыркаете, а я сегодня вечером сброшу с этой красавицы платье и сделаю ее, как хочу.

Уже более не сомневаясь, Вадим набрал номер Виолетты.

Чуть низкий, но очень приятный голос сдержанно отозвался:

– Да.

– Это я, Виолетта. Ты меня ждешь?

– Я тебя всегда жду. Приезжай.

– Я буду через полчаса.

Сложив папки с делами в сейф, Шевцов надел пиджак и, бросив прощальный взгляд в зеркало, вышел.

Нечасто у майора отношения с женщинами развивались столь стремительно. Хотя бы потому, что он не любил, когда они отдаются сразу же после первого свидания. В этом случае напрашивалась обыкновенная мысль, что нечто подобное они проделывают после знакомства и с другим мужчиной. Но Виолетта ворвалась в его жизнь, словно смертоносное торнадо в курортную зону, сумела разрушить и разметать многие его привычки, заставив позабыть прежние, казалось бы, очень устойчивые связи. Несмотря на внешнюю хрупкость, она была очень сильной женщиной и всегда знала, чего хотела, – в этом Шевцов убедился на первом же допросе. Впрочем, именно такой и должна быть подруга главаря банды. Ей светил немалый срок, но майор сделал все возможное, чтобы девушка проходила по делу как свидетельница. Вадим остановил «Волгу» возле шестиэтажного здания. Широкий парадный подъезд, увенчанный лепниной из каменных колосьев да с голубками, не успевшими расправить крылья, свидетельствовал о том, что построен дом был в эпоху великих свершений; высокие мраморные ступени, сработанные на века, – у всякого, кто поднимался по ним, невольно должна была возникать мысль, что он входит не в обыкновенный подъезд, а взбирается к богу. Некогда элитный дом обмельчал. Хотя во многих квартирах по-прежнему жили потомки тех людей, чьими портретами украшали большие улицы и центральные площади. Ни внешним видом, ни манерой вести себя они совсем не напоминали ушедших титанов. По большей части это были совсем незаметные люди, выгуливающие по утрам собак и терпеливо отбывающие на скучной службе положенные восемь часов. Природа словно посмеялась над усопшими гигантами, превратив их внуков в крохотных карликов. Измельчавшая порода уныло сидела на протертых скамьях, громко сквернословила и с чекистским прищуром наблюдала за всеми, кто перешагивал порог именитого дома.

Кроме отпрысков бывшей партийной номенклатуры в доме проживали дельцы всех мастей и представители тонкой прослойки народившейся буржуазии, оперировавшие танкерами с нефтью и эшелонами, груженными цветным металлом, так же легко, как школяр таблицей умножения. Бизнесмены скупали квартиры у стариков, отброшенных на периферию жизни, получая в свое распоряжение целые этажи, устраивали для себя личный коммунизм. И только несколько квартир сдавалось внаем уставшими от одиночества вдовыми бабками, пережившими своих маститых мужей на целые десятилетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.